

оговорив ряд важных отличий ее от самостоятельных языковых формаций, в том числе то условие трехязычия, на которое мы обратили внимание [Бурыкин 2006: 32–33]. Соблюдение vs несоблюдение данного условия позволяет четко разграничивать в ситуации языковых контактов новый язык-посредник и рецептированную форму одного из языков, как бы далеко она ни уходила в материальном выражении и социальных функциях от своей исходной основы, ибо, повторяем, пользователь языка знает, на чьем языке он говорит, а его адресат может опознать свой родной язык в чьей угодно речи.

Н.Я. Бичурин же не только смог описать языковую ситуацию при общении китайцев и русских в Кяхте 1830-х годов и не только указал на причины своеобразия русского языка в речи китайских купцов, но и точно определил, кому принадлежал этот странный китайско-русский язык — это был все же русский язык.

Библиография

- Бичурин Н.Я.* Письма, опубликованные в «Литературной газете». Письма, опубликованные в «Московском телеграфе» // Н.Я. Бичурин (Иакинф). Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары, 1991.
- Бурыкин А.А.* Проблемы социолингвистической характеристики и лингвистического описания русской речи коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока России // II Международный симпозиум по полевой лингвистике. М., 2006.
- Мусорин А.Ю.* Лексика кяхтинского пиджина // Функциональный анализ языковых единиц. Новосибирск, 2004.
- Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. СПб., 2008.

А.Ю. Сиим, Н.А. Добронравин

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛУЗОТРОПИКАЛИЗМА

Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креольские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

Понятие «креольская общность» в большинстве случаев подразумевает общность, возникшую в результате смешения на протяжении ряда поколений представителей нескольких рас. Ее культура — соединение / синкретизация разнородных культурных традиций. Креольская общность возникает при систематическом смешении этнического большинства с одним / несколькими меньшинствами, оседлого населения и кочевого, автохтонного населения

с одной / несколькими группами пришлого. Пограничные (маргинальные) варианты практически любой культуры в результате заимствования и адаптации влиятельный извне тоже подвергаются своего рода креолизации. В строгом смысле термина креольство ассоциируется с разными группами населения в зависимости от колониальной традиции (с жителями побережья в португальских колониях или с жителями внутренних областей в испанских). По отношению к «чистой» общности креолы нередко выглядят как люди «без рода и племени», «без корней», слова «креольский» и «метисный» имеют пейоративные коннотации. Но креольские культуры можно рассматривать и как продукт синтеза наиболее жизнеспособных элементов нескольких этнических культур.

В Бразилии, где смешение культур и рас в огромных масштабах в течение нескольких веков было исторически неизбежным, апологетика креолизации и метисации легла в основу государственной идеологии. Ее основным автором и вдохновителем был Жилберто Фрейре (1900–1987). Этот знаменитый культуролог и антрополог, мыслитель, историк и писатель-публицист вербализовал и популяризовал ее в своих многочисленных сочинениях. Сформулированные им понятия и концепции *расовой демократии* (*democracia racial*) и *лузотропикализма* (*lusotropicalismo*) до сих пор актуальны в самой Бразилии, а в колониальное время разделялись правительством Португалии как обоснование ее трансконтинентальных амбиций. В широком смысле слова расовую демократию можно охарактеризовать как принцип построения гражданского общества без расовой дискриминации, но с учетом расовых характеристик, лузотропикализм — как цивилизационную миссию португальцев, объединившую освоенные ими территории в Азии, Африке и Америке под эгидой языка и культурных ценностей, как особый тип сознания, свойственный носителям этих ценностей, как «мир, созданный португальцами» по аналогии с названием книги Ж. Фрейре «O mundo que o portugueses criou».

Научное наследие Ж. Фрейре — многостороннее осмысление исторического прошлого Бразилии, его проекция на настоящее и будущее, в первую очередь ради ответа на вопрос, кто такие бразильцы. Его более поздние работы посвящены всему лузофонному культурно-историческому комплексу — Португалии с ее бывшими и настоящими колониями. Особое место в исследованиях уделено работоторговле и развитию экономики на основе рабского труда; анализ этих тем приводит к идее расовой демократии. Впервые она детально развивается в книге «Casa-grande e Senzala» (досл. «Господский дом и хижина рабов»). Фрейре рассматривает взаимодействие различных групп населения в рамках плантационного сообщества, к которому восходит бразильское общество в целом. Говорится о совместной колонизации Бразилии португальцами и африканцами, их своеобразном сотрудничестве и разделении труда в строительстве общественно-экономических отношений. Африканцам Фрейре приписывает цивилизаторскую миссию (*civilizadores da sociedade brasileira* — «цивилизаторы бразильского общества»). Именно рабы, перенимая элементы культуры доминирующего меньшинства плантаторов, адаптировали их в новых условиях к своим жизненным нуждам путем упрощения или синкретизации [Freyre 2008: 30].

Многие книги Фрейре — о «классической» плантаторской Бразилии — ее северо-восточных территориях, например штатах Баия и Пернамбуко [На Bahia em 1943 («В Баии в 1943 г.»), O Recife, Sim! Recife, Nao! («О Ресифи, да! Ресифи, нет!»), Livro do Nordeste («Книга о северо-востоке»)]. Нескольким его сочинениям посвящены гастрономии и бразильской кухне на основе европейских и африканских рецептов, местных и привозных продуктов. Смешение ингредиентов — материальная метафора метисации, процесса в некотором роде алхимического, формирования особой бразильской расы. Деление общества на два полярных лагеря — «дом господ» и «хижина рабов» — создало поле динамического взаимодействия для представителей разных рас, их симбиоза и появления бразильской «метарасы» — многомиллионной креольской общности. Этногенез бразильского народа — взаимодействие двух начал: африканского (афроиндейского) как женского и португальского как мужского.

Метараса обязана своим происхождением брачным связям португальских плантаторов с африканскими рабынями и особому типу семейных отношений на основе патриархальной полигамии. Вклад в историю и культуру лузобразильцами и афробразильцами (и индейцами-автохтонами) внесен в равных долях, хотя и в разных сферах деятельности. Это и подразумевает понятие расовой демократии в историческом измерении и впоследствии дает возможность понимать расовую демократию как равноправие рас в идеологическом измерении. По сходной логике шел процесс синтеза культур на всех заокеанских территориях португальцев.

В более поздних трудах Ж. Фрейре в ходе изучения исторической ситуации в Португалии и ее заморских владениях сформировалось понятие лузотропикализма [Vale de Almeida 2008: 8]. Бразильская расовая демократия — его крупное локальное проявление. Сложение «единства противоположностей» (лузобразильцы / афробразильцы) и сам португальский сценарий колонизации объясняются спецификой португальского характера и генетикокультурного типа. Фрейре отмечает особую предрасположенность португальцев к метисации, их открытость по отношению к влияниям извне и адаптивные способности. Он одним из первых отметил влияние исламского фактора в формировании жизненного уклада бразильцев [Freyre 2008: 6]. На момент прибытия на территорию Бразилии в XVI в. португальцы были подвергнуты арабскому влиянию в результате средневекового мусульманского завоевания Пиренейского п-ова. Но и в афробразильской среде было много мусульман *males*, ставших интеллектуальной элитой рабов и поднимавших восстания; угроза исламизации рабов представлялась более опасной, нежели их сплочение на почве языческих верований.

В Бразилии самобытные культуры отдельных диаспор и групп населения сосуществуют с наднациональной культурной идеологией. Последняя формируется на уровне государственной власти под объединяющими лозунгами (например, Brasil — país de todos (Бразилия — страна (для) всех) в духе национальной и расовой демократии. На практике отношение к концепции расовой демократии в массах неоднозначно. Жители южных штатов, преимущественно потомки иммигрантов из Германии и Австрии, сохраняют, кроме португальского, немецкий язык, используют символику страны своего изначального

происхождения (флаги и гербы) в быту, к необходимости признания исключительности афробразильской культуры относятся нейтрально-отрицательно. В северо-восточных и северных штатах нормой является восприятие истории через призму того, что «вся Бразилия построена на нашей крови — крови африканских рабов». Кровь понимается и как символ жертвенности, и в генетическом смысле слова — эту двусмысленность подразумевал еще Ж. Фрейре. Его собственные взгляды и симпатии во многом связаны с его происхождением из г. Ресифи на северо-востоке Бразилии, откуда началось ее освоение и где влияние афробразильской культуры и взаимодействие рас было самым интенсивным и длительным.

Приписывание афробразильскому населению роли исторической жертвы характерно и для высказываний политиков. К примеру, официальные заявления президента Луиса Инасио Лулы да Силвы о том, что «кризис не был придуман негром, индейцем или бедняком. Кризис устроили белые люди с голубыми глазами» или «я не знаю ни одного черного или индейца — банкира». Последнее высказывание напрямую относится к необходимости реформ в социальной сфере и повышения качества жизни отдельных групп населения и косвенно отражает понимание — в рамках политики расовой демократии — исторического вклада «негров и индейцев», который очевидно относится к сфере не финансовой или банковской, а скорее культурно-исторической.

Идеи расовой демократии неоднократно подвергались критике как расистские ввиду позиции Фрейре по отношению к рабству в истории лузотропикального пространства. В Бразилии его взгляды разделяются в более традиционалистской среде (центральная часть, север и северо-восток страны), оставаясь чуждыми группам населения, сознательно избегающим метисации и креолизации.

Культурологические исследования бразильского общества стали поводом для более пристального изучения его афробразильского субстрата. После отмены рабства в 1888 г. возникла необходимость вписать в социальную историю на более или менее равных правах с бывшими рабовладельцами рабов, ставших свободными гражданами. Моделирование истории афробразильцев прежде всего состояло в выявлении их этнического происхождения — псевдоэтносов жеже, кету, конго-ангола и др. Этот принцип до сих пор лежит в основе этноконфессионального деления течений синкретической системы верований кандомбле. Культурно-исторический вклад афробразильцев стали рассматривать через европейскую систему ценностей. Их верования описывали как политеизм, где многобожие — переходная стадия от примитивного пантеизма и культа предков (*primitive religions*) к монотеизму. За эталон народа со сложным религиозным мировоззрением и богатыми историческими традициями были взяты йоруба, представители субэтносов которых прибыли в Бразилию в рабовладельческую эпоху. Сегодня кандомбле, восходящий к йорубским культам, со стороны и правда напоминает многобожие в древнегреческом / древнеегипетском варианте и часто уподобляется ему в научной литературе. Во многом это реконструкция либо автореконструкция по европоцентристской модели.

Афробразильское культурно-историческое наследие понимается в тесной связи с религиозно-мистическим мировоззрением, характерным для культов кандомбле, умбанды и других, распространенных у афробразильцев и бразильцев европейского происхождения. Культы эти восходят к прагматичному по своему характеру поклонению духам предков и силам природы, но из-за синкретизации с католицизмом и долгого нахождения под запретом они обрели черты мистицизма и оккультный антураж. Способствует этому и попадание данной тематики в научный оборот. Это подобно тому, как в ранних научных описаниях тайных союзов в традиционных обществах необычность обрядов и многочисленные табу заставляли исследователей воспринимать не поддающийся рациональному описанию предмет изучения через призму эзотерики. По мере распространения культов присущие им мистическое и магическое начала конвертируются в разновидность национального достояния, духовных ценностей. И это тоже следствие политики расовой демократии. Необходимость принять в качестве общенационального достояния афробразильское наследие приветствуют далеко не все: для жителей богатых промышленных штатов на юге страны эти духовно-мистические практики остаются опасной и неприятной экзотикой.

Язык и языковая политика — важнейшие инструменты колонизации, в ходе которой сам язык часто редуцируется либо превращается в качественно новый креольский язык. Так, португальский язык в Бразилии (лузобразильский) — результат креолизации и метисации. Это верно и в отношении научного языка, особенно его стилистики. Довольно-таки беллетризован и авторский язык самого Ж. Фрейре, признаваемого классиком бразильской литературы и создателем особого научно-популярного стиля. Особенности такого стиля связаны и с общими тенденциями в сторону интуитивизма и мифотворчества в европейской антропологии 1930–1950-х годов. Фрейре был вхож в круги интеллектуальных элит США и Европы; его исследования вписывались в гуманитарную парадигму того времени, когда для антропологии и этнографии вполне характерным было мифотворчество. Исследуя духовную и материальную культуру малоизученных народов Африки и Америки, ученые нередко подменяли историю мифологией и космогонией, конструируя их по аналогии с античной и христианской моделями, усматривали в любом элементе культуры мистико-символический контекст (Л. Фробениус в Германии, школа М. Гриоля во Франции). Это неизбежно приводило к беллетризации и поэтизации научного языка, его стилистической креолизации в процессе наложения названий вещей и явлений на экзотических языках и их интерпретаций на языках европейских, особенно в области изучения духовной культуры и верований, которые сложно адекватно описать, минуя собственные мировоззренческие клише.

Эмоциональный стиль изложения для Фрейре был своеобразным методом, демонстрировавшим метисацию португальского литературного и разговорного языка. Это особый язык научно-идеологического мифа, каким в своем роде и был лузотропикализм. В 2007–2008 гг. в Музее португальского языка в г. Сан-Паулу прошла посвященная Ж. Фрейре крупномасштабная выставка «Gilberto Freyre, Interprete do Brasil». В основе ее концепции лежало как раз

Креольские этнокультурные общности

ассоциативное сопоставление визуальных образов, связанных с креольской культурой Бразилии, и языка книг Ж. Фрейре, представленного в цитатах.

Библиография

- Freyre G.* Interprete do Brasil / Curadoria de Elide Rugai Bastos, Julia Peregrino e Pedro KarpVasquez. Sao Paulo, 2008.
- Vale de Almeida M.* Portugal's Colonial Complex: From Colonial Lusotropicalism to Postcolonial Lusophony. Belfast, 2008.

Е.Н. Успенская

САНСКРИТИЗАЦИЯ КАК БРАХМАНИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креольские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

Индийские варианты этнической интеграции и аккультурации отличаются заметным своеобразием, и это связано с кастовым характером индийского общества и влиянием идеологии брахманизма-индуизма на социальные процессы.

Взаимодействие и взаимовлияние многих народов и культур, как автохтонных (предков современных дравидов, мунда и др.), так и пришлых, составляют характерную особенность исторического процесса в Индии. Этнокультурная множественность Индостана не знает себе равных. Каждые несколько веков новые народы приходили и селились в Индии, привнося в общий фонд свои традиции и культурные достижения. Среди тех, кто пришел из-за пределов Индии и оставил заметный след в ее истории, были арья, греки, иранские племена (шака и др.), гунны, тюркские и другие центрально-азиатские народы, афганцы, шаны и другие тибето-бирманские народы и т.д. Даже появление европейцев осмысливалось индийцами как вписывающееся в известную этнокультурную парадигму. В этом проявилось влияние кастовой идеологии, построенной на брахманических представлениях об этносоциальной категории *джати* («созданный богами вид существ», а также «родня») и *санскрити* (культура, понимаемая как эталонный уклад жизни и стереотипы поведения индоариев).

Уже в I тыс. до н.э. в брахманизме-индуизме было разработано представление о священной «территории дхармы» (весь Индийский субконтинент) с ее «созданной богами» многоэтничностью и разнообразием культурных тради-